

СЫН ЕГОРА И ЯКОВА

Владимир Анатольевич Молчанов родился в 1954 году на хуторе Полтавка Оренбургской области. Окончил Рудненский индустриальный институт, Институт высших управленческих кадров Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, стажировался в ФРГ. Прошёл путь от горного мастера до главного инженера ООО «НОСТА - Тюльган» Орско-Халиловского металлургического комбината. Награждён знаком «Шахтёрская слава» II степени. Печатался в областной газете «Южный Урал», журнале «Гостиный Дворъ». Член Оренбургской региональной общественной писательской организации. Живёт в Оренбурге.

Полуденное солнце палило нещадно. Девчонки с огородных плантаций, одуревшие от жары, разом возопили:

— Тётъ Лен, ну, тётя Леночка! Отпусти на речку. Мы быстро, окупёмся толечки чуть-чуть, а то уж мочи нет. Мы быстренько.

— Ладно, бежите. Одна нога там, другая здесь. Накунничек только мой прихватите, сполосните. А то уж залоснился весь.

Схватив передник бригадирши, улепетнули, только подолы платьев по ветру метнулись. Но вскоре заявили.

— Тётъ Лен, принимайте гостей, опять раненых на выздоровление прислали. Рабочничков.

— Ну, прислали и прислали. Скажи Таиске, чтоб распределила их на постой. Кто не уместится в сарае, на огороде, тех по хутору пусть разбросает.

— Тётъ Лен, а там энтот, который прошлый раз был. В прошлом году. Яков Филиппович.

Елена Кирсановна тормознулась. Повернувшись к Стешке, только и спросила:

— Интересовался?

— Да вон уж, сюды прётся. Что сказать?

— Ничего не говори. Иди к девкам. Да Таиске передай, что я тебе сказала.

Степаниды и след простыл.

В проёме двери бригадирской комнатухи обрисовалась кряжистая фигура.

— Здравствуйте, Елена Кирсановна.

— И вам не хворать, Яков Филиппович. Откель вас опять принесло по нашу душу? — не поднимая глаз от стола, заваленного канцелярскими тетрадами и прочими бумажками.

— Война несёт, — перешагивая порог.

Подняла голову. В глазах слёзы.

— Откуда ж ты опять на мою голову? Только успокоилась.

— Оттуда, Ленуш, оттуда, моя ты раскраса, — прижимал он её голову к своему впалому животу.

— Похудел. Тощий вон совсем.

— Ничего. Опять откормишь.

— Откормлю, что уж. И опять туда, на войну?

— Куда ж от неё денешься, покель руки-ноги да голова целы.

— Родношенький ты мой, — поднявшись с табуретки, она тоже прижалась к Якову.

Елена Кирсановна, женщина в возрасте, стала бригадиром полеводческой бригады не по

образованию, а по опыту и недостатку мужских рук. Война. При организации овощеводческих бригад не было времени учитывать, что она жена врага народа, осуждённого в тридцать седьмом году. Фронт нужно было кормить. Бесхитростное ирригационное сооружение, в народном обиходе «ригация», состоящее из насоса, качающего воду из реки на искусственное возвышение и разливающего её по наклонным канавам и канавам по огородным грядкам, да бригада хуторских девчонок. Выздоровливающих раненых рассылали в бригады из окрестных госпиталей не столько для помощи, сколько для откормки на деревенских хлебах и скорейшего выздоровления. У Якова Филипповича в Белоруссии при эвакуации под бомбёжкой погибла вся семья. Вот и пригрела его Елена Кирсановна по бабьей своей мягкости, потому что о муже она ни слыхом, ни духом не ведала ничего уже более пяти лет.

Появился Яков первый раз в конце июля сорок второго, а через полтора месяца опять уехал на фронт. И вот в августе сорок третьего, после ранения под Курском, вовсе не нечаянно, а, скорее, по желанию и по судьбе опять попал сюда, в хуторскую бригаду. Писал ей с фронта, потому что писать, в общем-то, ему больше было некуда. И Елена привыкла к мыслям о нём, да и к письмам. На хуторе особо не судили. Все находились не в лучших ситуациях. И Еленины

дети обвыклись. Старшая дочь уже на фронте была. В составе зенитной поездной батареи воевала. Те, что помладше, стеснялись, но не роптали.

— Доча твоя пишет? — целуя в волосы.

— Пишет. Последнее письмо из Воронежа послала.

— Чем волосы моешь? Домом пахнут, как будто на родине побывал.

— Польнью. Чем же ещё отвшей спастись? Правда, богородскую траву в настой добавляю. Да не очень люблю её. Покойниками пахнет.

— Ты так и бригадирствуешь?

— А кому ещё? Да после того, как под сенокосилку попала, что-то с позвоночником. Так и прижилась. Этим и дочку, средненькую, от тяжких работ немного спасаю. Всё ж, какая-никакая, а от меня семье польза. Трое их у меня, кроме фронтовички. Одна ещё была, да померла от голодной, царствия ей небесного, я тебе говорила. Красивенькая была. А уж как пела...

— Не майся. Может, ей лучше там, чем нам здесь.

— Да уж. А я с тобой грешу. Мужняя всё-таки.

— Мужняя! Где он, муж? Сама ж говорила, сгинул.

— Сгинул, не сгинул. Кто знает? Может, жив?

— Успокойся. Коли жив, возвратится. Время покажет. Да и войне ещё ни конца, ни краю. Спи, отдыхай. Завтра на работу. Я выйду, подымлю.

Над логом опустились густые рваные хлопья тумана. «Черти кашу варят», — вспомнил Еленину присказку. В голове сумбур.

«А, делай, как судьба выводит, да и будь что будет», — кинул, затоптал сигарку и вернулся в комнату.

За трудами и заботами прошла осень. Огороды убрали, заготовку сена и соломы на зиму сделали. Ранение у Якова было тяжёлое, грудное. Вот и задержался он в выздоравливающих на всю зиму. Прижился в Елениной семье. Деревня привыкла. Да и дети тоже.

Весной, уже в мае, Якова вызвали в госпиталь, на комиссию.

Собирая узелок с харчами, Елена с грустью смотрела на укладывающего солдатский вещмешок Якова. Потом подошла, положила руки на плечи, прижалась к его плотному телу и вдруг произнесла:

— Понесла я, Яшенька, кажется. Ума не приложу, что делать?

Яков замер. Потом взял её голову в широкие ладони, запрокинул и поцеловал в намокшие глаза. Проговорил тихо:

— Делай, как считаешь нужным и посильным. Что я могу сказать? Жив останусь, вернусь. А там — как судьба разведёт.

Вечером передал с оказией гостинец детям да записку, что признан годным и уже ночью отправляется в сторону фронта.

Через полгода Елена получила письмо.

«Здравствуйте, Елена Кирсановна!

Здравствуйте, дети!

После летних лагерей я опять попал в строевую часть, на передовую. Из огня да в полымя. Одно успокаивает. Идём мы по родной Белоруссии, по моим краям. Ленушка моя! Уж не знаю, как и сказать тебе. Радость у меня. Встретил земляка. Он мне обсказал, что семья моя жива. По ошибке мне про однофамильцев сообщили тогда, в сорок втором. Ленуша моя, хорошая моя! Прости. Как ты там? Всё время думаю о вас. И о семье. Проклятущая война. Береги себя. Я буду писать».

В конце сорок четвёртого Елена родила сына. Деревня и родня восприняли всё спокойно. Только средненькая дочь немножко стеснялась деревенских. Семнадцатый годок ей уж шёл. А тут мама братика родила.

Вскоре и война кончилась. Старшая сестра с фронта вернулась. Счетоводом в колхоз устроилась. Мужики, какие живые остались, возвратились. Кто с барахлом трофейным, кто из госпиталей, без ничего. А Андрюха, по прозвищу Буржуин, — так с полным вещмешком швейных иголок да мыла. Ухватистый.

А что толку от баяна да от блестящих костюмов в деревенской жизни-то? Вон баба Анна постирала по-деревенски. Проклпятила костюмы сына Ивана в лохани с золой. Получилась студенистая каша. Вот уж подивились,

как от одевания германского освободились.

Елене стало полегче. От бригадирства освободили, мужика поставили. Да и дочь — фронтовичка. Потихоньку жили. Яков вернулся к семье, писал.

Алёшенька рос на радость всей семье, под присмотром двух сестёр, двух Марий.

— Елена Кирсановна, и как же тебя угораздило двух дочерей одним именем назвать-то?

— Так муженёк под хмельком вторую записывал да Марусей назвал. А первая Маня была. Ему оба имени нравились. Пусть живут. Хорошее имя.

Старшей, фронтовичке, имя Матрёна не шибко нравилось. Ещё на фронте перевеличала себя в Марию. Так что в доме было фактически трое с одним именем. Три Марии. Вот они все по очереди и тюлюпокали Алёшку.

Через два года после победы вернулся из заключения муж Елены. Алёшка уже бегал. Прибёг с улицы, а в комнате дядя на табуретке за столом сидит. Мать у печи ухватом шурудит, что-то выставляет. Неробкий был мальчонка, с ходу дяде на колени влез.

— Вот и кормилец наш будет на старости лет, — Егор грустно улыбнулся и погладил ребёнка по голове.

— Успокойся, Лен, — обращаясь к заплакавшей жене. — Жизнь так уж вывернула. Что поделаешь. Будем жить.

Через неделю, погрузив на телегу кое-какой скарб и младших

детей, увёз семью в соседнее село, в леспромхоз. Подальше от пересудов. Егор плотник был хороший. Быстро поднялись, справно зажили. Да недолго их счастье длилось.

Прошло два года после возвращения Егора. Жизнь налаживалась. Хозяйство крепло, дети росли. Егор работой глушил прошлое, иногда горькой. Ничего не сказывал, в такие минуты сидел перед бутылкой за столом, обхватив голову руками, и, раскачиваясь, глухо и жутко рыдал. Без слёз. Елена выпроваживала из дома детей, садилась рядом и тихо плакала. Егор поднимал голову и тяжёлым, отрешённым взглядом сверлил плюшевый коврик над кроватью с изображением лебедей, как будто всматриваясь в пережитое, гнетущее и ледяное.

— Ничего, Лен, перетрём, забудем. Поживём ещё.

Наверное, со временем отмякла бы гложащая душу боль, забылось бы страшное, гнетущее прошлое. Наверное, стёр бы он всё из памяти, забыл бы, как страшный сон. Да не в той стране он жил и не в то время. Не забыли.

В октябре сорок девятого случилась кража со складов леспромхоза. Через день около их дома остановился милицкий «воронка». Егор с Еленой складывали колотые дрова в поленицу, к сараю.

— Собирайся, поехали, — милиционер даже во двор не зашёл,

от забора проговорил в сторону Егора.

— А что случилось? — выпуская из рук полено, только и спросил дрогнувшим, приглушённым голосом.

— В районе узнаешь. Собирайся.

Зашли в избу.

— Что же будет, Горушка? Что же это? За что? — запричитала Елена.

— Ни за что. Так. По старой памяти, — с тоской, как будто про себя. — Собери чего-нибудь, — уже к жене.

Через минуту, беря в руку узелок, другой обнял Елену за трясущиеся плечи.

— Прощай. Знай только, что ещё раз я безвинно всё это не переживу. Ты прости меня. А Бог простит.

— Ты про что? — подняв на Егора заплаканные глаза.

— Про то. Детей береги, — поцеловал её в волосы, хрипяще вздохнул, развернулся и тяжело перешагнул порог дома. Через мгновение стих звук мотора увозящего его «воронка».

На следующий день Елена, докладывающая во дворе дрова, увидела входящего в калитку сельского председателя. Сердце тревожно ёкнуло.

— Елен, ты это, ты только... В общем, тут из района позвонили. Короче, Егор: нет его больше. Говорят, что сам он. А может, и не сам, — сбивчиво, не глядя ей в глаза, пробормотал сельский.

Земля ушла у Елены из-под ног. Рука скользнула по сохе,

державшей поперечину сарая, и она, развернувшись, чтобы не упасть, прислонилась к глиняной стене. Проробоздив по ней спиной, опустила на землю.

Долго, ей показалось, целую вечность сидела, тяжело дыша. Потом, подняв голову, посмотрела на сельского:

— Можно его будет забрать?
— только и спросила.

— Я узнавал. Не отдадут. Не положено, — произнёс сельский, отводя взгляд.

«Значит, не сам», — мелькнуло в голове сквозь поплывший туман.

По деревне разнёсся и затих истошный, дикий женский вопль.

Весной Елена с детьми вернулась на свой хутор. Весь смысл её существования сосредоточился на них. Одинокие мужики, чувствуя её надёжность и доброту, пытались к ней прислониться, но она без грубостей, но твёрдо делала претендентам на её сердце и руку от ворот поворот. Яков писал. Дети ему отвечали, она тому не противилась, но сама пристального интереса к происходящему не проявляла.

Время шло, стремительно перелистывая год за годом. Девчонки по мере взросления повыходили замуж. Старший сын уехал в город, в ФЗУ. С ней остался Алёшенька — последыш, радость её и надежда на склоне лет. Он окончил семилетку, работал в колхозе. Взрослел спокойным и работающим.

Как-то, на восемнадцатом годочке, ближе к осени, тёплым вечером, вернувшись с поля, пошёл к матери, сидящей за куделью, и спросил:

— Мамуль, как ты смотришь на то, что я к отцу, в Белоруссию, съезжу? Зовёт ведь всё время. А то скоро в армию. Хотелось бы увидеться.

Елена остановила прялку. Она даже не удивилась. По мудрости своей никогда не делала тайны из рождения сына, знала: шила в мешке не утаишь. Да и не стремилась к тому. Якова и свою позднюю любовь к нему вспоминала с теплотой, без грусти.

— Съезди, сынок. Что ж не съездить, не чужой ведь. Глянешь, как они там живут, с родней познакомишься, приветы передашь. Поезжай.

— Спасибо, мам. Что это ты, никак, плачешь? — увидев мокрые от слёз глаза матери.

— Это я так. Вспомнилось, нахлынуло. Не обращай внимания. Бабы слёзы — на сердце легче будет, — ласково улыбнувшись сыну и вытирая передником мокрые глаза.

Поезд нёс Алексея по Белоруссии, всё ближе к станции назначения. Сердце в груди, как воробей, трепетало. Что будет? Как примут?

Подойёл к окну. Мимо мелькали неказистые деревеньки, залитые дождём, поблёскивающие чёрной грязью просёлочные дороги.

«Всё, как и у нас, только лесов больше да зелень ярче», — подумалось Алексею.

В купе заглянула проводница:
— Молодой человек, твоя станция. Не пропусти, стоим две минуты.

Снял с полки фанерный, обтянутый дерматином чемоданчик, с которым ещё Егор вернулся из заключения, продвинулся на выход, ближе к тамбуру, встал у окна.

Замелькали осветительные столбы, строения, красной кирпичной кладки водокачка, пакгауз, перрон.

«Прямо как на нашей станции», — промелькнула мысль и сразу утекла, когда увидел на площадке перед зданием станции встречающих. В груди похолодело.

Отца узнал сразу. Такой же высокий, сухопарый, как и сам.

— Я в старости, — усмехнулся.

Напряжение в душе нарастало. Вроде бы не с чего, а ёжик внутри развернулся, околючился, готовый к любому противодействию: «А что, и мы не лыком шиты. Не лаптем щи хлебаем. Чем нас удивить?»

Поезд дёрнулся, грохнул сцепкой, зашипел тормозами и остановился.

Проводница откинула площадку, спустилась на перрон, на ходу вытирая поручень, и отошла в сторонку. Алексей с дрожью в коленях спустился по ступеням следом и сразу попал в объятия родни. Его тискали, обнимали, толкали, хватали за руки. Потом усадили на телегу и затряслись, направляясь в конец большого села.

Алексей с интересом осматривался. Хаты, добротные, крытые железом, и победнее, под соломой и дранкой. Журавли над срубамы колодцев, сено рядом с сараями. По улицам бродят поросята с матками, гуси.

— Как дома. Только грязи на улице поболее, — отметил Алексей.

Телега подкатила к деревянным воротам, крашенным синей краской. Над створками — два белых резных голубя. Ворота распахнулись, открывая широкий двор. Посередь двора повесть, под ней деревянные столы в ряд, уставленные разной едой в глиняных тарелках, кувшинами и бутылками. Вдоль столов широкие скамьи.

— Знатная встреча, — успокоился, оглядывая собравшихся.

— Вот, Олесь, знакомься, твоя родня, — проговорил отец, поводя по толпившимся рукой.

— Здорово живёте, родня, — громко произнёс Алексей и улыбнулся.

И тут все разом загалдели, стараясь поближе продвинуться к нему и дотронуться рукой, заговорить.

— Вот и хорошо. А ну все за стол. Ближе к хлебу. Там поговорим, — громко, чтобы все слышали, и твёрдо проговорил успокоившийся отец, сразу определив тем, кто в доме голова.

Повторять не пришлось.

Солнце к закату, день к вечеру, а гулянка только разгоралась. Алексея усадили рядом

с отцом. Он всё больше помалкивал да приглядывался. Вслушивался в белорусский говор, в песни. Один тостующий сменял другого. Каждого из них отец, наклоняясь к Алексею, представлял. Между тостами представил своих дочерей, довоенной ещё закваски, их мужей, детей и сына, шустрого белобрысого малого лет пятнадцати, который, видя, что Алёша не выкобенивается, взял над ним шефство и тащил по всем углам.

Но с самого начала гулянья Алексей всё чаще присматривался к жене отца, которая сидела по его правую руку. Вернее сказать, не сидела, а только присаживалась, следя за столом. Она тоже присматривалась к нему. Глаза у неё были добрые и грустные, на них почему-то часто наворачивались слёзы. Она почти ничего не говорила, только всё незаметно подсовывала ему что-нибудь вкусненькое. Беспреданно подкладывала еду, подливала соки и компоты. Как бы невзначай притрагивалась к нему, поглаживая по плечу. И её движения не смущали Алёшу, не казались показушными. Чем дольше он приглядывался к этой чужой белорусской женщине, тем больше находил в ней сходство с матерью. И ёжик, который оцепинился у него внутри при приближении к станции, постепенно сворачивал свои иголки.

Вокруг сидели, ходили, разговаривали и пели родные люди, без какого-либо напряжения и заискивания принявшие его в свою семью, как будто он в ней был всегда. Мудрость этих людей, переживших войну, была выше предвзятости, которая могла быть, учитывая факт его по сути незаконного рождения. Мудрость и доброта его матери, отца Егора и этих белорусских родных вселяли огромную надежду, что всё у него сладится, всё будет хорошо.

Гости разошлись далеко за полночь. А Алексей с отцом просидели до самой зари, тихо разговаривая под перезвон посуды, убираемой со столов. Спать пошли, когда петухи уже до хрипоты закукарекались своим утреним перекликом.

Десять дней пролетели, как один. В вагон Алёшу усаживала вся родня, заполонив полки купе корзинами и узлами с гостинцами. Когда поезд тронулся, у него защемило, и он понял, что на этой земле в его жизни появился ещё один родной уголок, где его будет ждать и всегда примут.

Через три с половиной года, вернувшись из армии и получая паспорт, Алексей, с благословения Елены Кирсановны, взял фамилию Егора, а отчество — Якова.